Царь Солома

В одном каком-то царстве (батько-то знал, да я позабыл) жили нерусские люди, а Бога-то не знали. У них был царь мудреный, непьющий и грамотный. Народу жить было хорошо, а всё же царь порато тосковал, что нету у него сына после смерти батька заменить. Потом, через несколько лет дал ему Бог сыночка, да такого пригожего, что всем на диво. Рад был царь сыну и велел повесить зыбку в саду, чтобы сын был едрёнее, как вырастет на ветру. Случись же оказия! Недалеко от дворца жил кузнец, и у него тоже родился сын, вот нечистый стал ему мутить: «Перемени сына на царского! Твой царём будет!» Кузнец послушался, взял своего ребёнка, завернул в тряпичку и понёс в сад. Там он вынул из зыбки царского сына, обвернул тряпичкой, а своего положил на его место под парчевое одеяльце, потом бросил царского ребёнка через огороду в кучу соломы, и сам ушёл, как ни в чём не бывало.

Шёл этой же дорогой мимо дворца пастух и слышит, где-то дитя плачет. Остановился, смотрит — солома-то шевелится, раздвинул солому, а там ребёночек горемычный барахтается. Пастух был жалостливый: «Ну, — говорит, — пускай у меня растёт, по манерам-то цепкой должен быть, а хлеба у меня будет!» Так и взял он себе ребёнка.

Вот и растут кузнецкий сын да царский, никто ничего не замечает, только один царь сомневается:

— Не сын он мне, а обменыш — по-царски не умеет говорить!

И вправду, царь толкует ему про законы, которые лучше, а он говорит про железо, какое на что годится, или начнет царь разговор: «Там-то полицию нужно поставить», — а он: «Нет, — говорит, — лучше здесь кузницу поставим!» — как тут не догадаться, что не царский сын! Кузнецкий, так по-кузнецки и толкует.

Раз случилось, что царь поехал на охоту, и взял с собой свиту. В одном месте он остановился ночевать, а свита поехала по лесным дорогам птицу разыскивать, да и заблудилась. Наконец выехали на какую-то речку, — видят на угорышке пастух сидит, они и спрашивают его:

— Как тебе имя? Велико ли стадо? Глубока ли речка?

А он разом им на три вопроса ответил:

— Триста, Матвей, брод по колено.

Они все так рты и разинули от удивления, какой находчивый пастух. Потом хотели его запугать, выдвинули свою карету золоченную вперёд и говорят:

— Отгадай, что на свете всего дороже?

Думали, что он обзарится на карету, — не тут-то было! — пастух вынул из кашалки кусок хлеба, да и говорит:

— Вот, что на свете всего дороже!

— Нет, — сказали они промеж себя, — плохо с ним тягаться!

Да и правда, в лесу другой раз заблудишься, живот подтянет, так тут хоть десять карет давай, так не променяю на кусок хлеба! Расспросила свита у пастуха дорогу, да и отправилась к царю. Рассказали они ему всё, что видели и слышали, а царь и догадался, что пастух должно быть его сын, поехал сам к речке, а пастуха и след простыл, — ушёл куда-то.

Вот случилось царю в уезд по делу ехать, а у царицы-то был обожатель, неверный царь, она созвала его к себе и стала советоваться, как бы царя уходить, а на его место сами царствовать. Проведал об этом как-то пастух (который царский-то сын) и говорит об этом своим товарищам:

— Ребята! соберём войско и выберем себе царя; жеребий не станем кидать, а так сделаем: выйдем на болото, — слышите, как вакушки квакают, — пусть каждый из нас скричит, чтобы замолчали, и кого послушают, тот царь между нами!

Так и сделали. Почали кричать по очереди, кричали, кричали, — не слушают вакуши, да и только, всё квакают, потом как крикнул царский сын, и смолкли все.

— Ну, — говорит, — мало ещё этого, станем кричать по очереди, чтобы снова заквакали!

Опять начали кричать. Кричали, кричали, — молчат вакуши, голосу не подают, а дошла очередь до царского сына, он как крикнул, — и все заквакали.

— Тебе царём быть! — сказали все пастуху.

Он и стал ими распоряжаться, всех вооружил и собрался ехать в город. Только один солдат ему изменил: побежал в город царице весть подать, но они его на бегу подстрелили. А город-то был недалеко, царица услыхала выстрел, испугалась, послала сотского узнать, кто стреляет, что за выстрелы (знаешь, недоброе на уме-то было, так всего боялась). Сотский прибежал, видит человек мёртвый лежит, бросился бежать обратно и донёс царице. Она взяла свою свиту и вместе с неверным царём, который гостил у ней, приехала в деревню и велела схватить пастуха. Пастуха поймали, а войско его в лес спряталось, когда же его вязали, он выпросил дозволение взять с собою рожок — перед смертью поиграть. Привезли пастуха в город, стали строить виселицу, чтобы его повесить, а он и говорит:

— Я хочу висеть нàкось, сделайте мне три петли.

Зашёл пастух на возвышенное место, где стояла виселица, начал перед смертью в рожок играть. Как сыграл один раз, — рать его и выбежала из лесу, как сыграл второй раз — повскакали на коней, сыграл третий — подъехали ко дворцу, схватили царя неверного, повесили на одну петлю, царицу в другую, в третью того, кто налаживал петли, и привелся кузнец, тот самый, который царского-то сына подменил, тут он и признался во всём.

Приехал царь из уезда, узнал в чём дело, обрадовался, что сын нашёлся, да такой ещё мудрёный, передал ему царство, а сам вышел в отставку. Вот и стал царствовать новый царь, решал дела все загадками, мудренее батька, и назвал себя царь Солома, потому что из соломы взят.

Когда Христос воскрес и пришёл вывести людей из ада, увидал царя Солому в аду и говорит ему:

— Ты, больно хитёр, да мудер, зачем здесь?

А он ему прямо так-таки и ответил:

— Кто мудрости-то дал, как не Ты!

Тогда Христос сказал: «Иди за Мной!» — и вывел его из ада, а в рай всё-таки не пустил, так и остался царь Солома между раем и адом. Вот ведь какой смелый был, где бы нашему мужику так Самому Христу ответить, ни один бы не осмелился! Бывало случилось на меня становой вспылил, так и так перепугался, что 10 верст бегом бежал, в избу зашёл дома-то, хватил шубу и без ужны на печь, насилу отогрелся, добрый час зубы стучали, а он прямо Христу вон как ответил! Смелость во многом помогает, мне бы на его месте

век привелось бы пыхтеть в аду!

Да, хитрец изрядный был царь Солома, а всё-таки, говорят, не святой, в святые-то не мог выхитрить!

(Записано Е. Вальневым, летом 1894 года, со слов крестьянина Архангельского уезда, деревни Кудьмы, по фамилии Корельского. — (См. «Живая Старина», вып. II, стран. 212).